

дый умирает в одиночку» (1947) — Отто Квангелем, суровым, много испытавшим человеком, который поднялся на борьбу против фашистского государства: «Как личность и как характер Густав выкован из того же железа». Но образы Квангеля и его жены — это уже новый этап в мирозерцании Фаллады; чтобы прийти к нему, надо было пережить «Густава». Действия Квангелей — не организованная борьба, это сопротивление отдельных людей, почти наверняка обреченное на поражение, — но это уже борьба, уже сопротивление, без которых самые лучшие душевные свойства не избавляют от бессилия и позора. Вот вывод, к которому приходит в итоге жизни писатель, вот к чему он приводит героев своего последнего романа. И трудный опыт «Железного Густава» в известном смысле явился здесь ключевым; он помогает многое понять как в предшествующем, так и в последующем творчестве Фаллады, демонстрируя и слабости его, и внутреннюю силу, которая позволила писателю достойно завершить свой творческий путь.

М. ХАРИТОНОВ

УВЕЛИЧИТЕЛЬНОЕ СТЕКЛО ЗЛА

Уильям Голдинг. Повелитель мух. Перевод с английского. «Вокруг света», №№ 7—11, 1969.

Журнал по преимуществу юношеского круга чтения, «Вокруг света» опубликовал перевод романа английского писателя Уильяма Голдинга, который, пожалуй, естественнее было бы видеть в издании для взрослого читателя. Читать эту книгу интересно, но трудно, а чем ближе к концу, тем труднее. Страдания детей — вообще мучительный, кровавый сюжет в литературе. Недаром Достоевский муками малых сил объяснил бунт своего героя против бога и его отказ от билета на вход в царство мировой гармонии. Но когда дети жестоки со своими товарищами, когда они мучают и убивают друг друга — читать это почти непереносимо.

Толстой говорил: дети — увеличительное стекло зла, — в том смысле, что то, что нехорошо по отношению ко взрослым, ужасно в отношении детей. Но не ужаснее ли во сто крат, когда дети сами, сознательно или неосознанно подражая миру старших, переносят в свои отношения и детские игры всю жестокость взрослого мира?

Уильям Голдинг придумывает условный сюжет, будто ставит опыт, обостряя до предела все отношения и противоречия современной ему жизни. Дети, одни дети оказываются на необитаемом острове, затерянном крохотной точкой в просторах Тихого океана. Их появление на острове мотивировано автором скверно, условно, с нарочитой небрежностью. Где-то бушует чудовищная война с атомными взрывами, и, как можно

угадать, самолет, спасающий английских школьников, терпит бедствие в океане. Никто из взрослых не уцелел, пилот сгорел, все или почти все дети каким-то чудом спаслись и теперь находят друг друга на тоненькой полоске пляжа, среди скал, в путанице лиан прибрежного леса. Это, конечно, условное допущение, одно из многих допущений, какие будут встречаться в романе и дальше, но они дадут автору возможность развернуть его пессимистическую ролинзонаду, не жертвуя ни одним из оттенков отношений, возникающих обычно между детьми в их играх, соперничестве, вражде и дружбе.

В истории детей можно увидеть притчу, имеющую в виду взрослых. Но Голдинг помнит, что дети есть дети, и их желания, страхи, фантазии рисует с психологической правдой, заставляющей читать его книгу не как аллегория — как реалистический роман.

Вот они, потерянные и боящиеся одиночества, без матерей и отцов, без учителей и наставников, соединяются на морском берегу и инстинктивно тянутся, жмутся друг к другу. К чувству страха и беззащитности примешивается детская радость делать, что хочешь, веселье полной свободы без старших, внезапной самостоятельности, к которой всегда стремятся подростки. Как дружно и весело, с каким энтузиазмом обследуют мальчишки свой остров, убеждаясь, что они единственные его хозяева!

Как и обычно в любом ребячьем сообществе, среди них начинают вскоре выделяться более самостоятельные и яркие фигуры. Это прежде всего Ральф — двенадцатилетний мальчик, энергичный, ловкий и смелый. И как всегда в мальчишеских играх, рядом с д'Артаньяном должен объявиться его рассудительный и верный слуга Планше, а рядом с Дон Кихотом — Санчо Панса, Ральф находит себе преданного товарища в толстом мальчике в очках с обидным школьным прозвищем Хрюшка.

Ральф становится вождем по свободному выбору ребят, и он придумывает то, что соединит всех: надо строить хижины, чтобы укрываться ночью от холода и дождя, и надо развести большой костер, дым которого мог бы привлечь проходящие в океане корабли. Дети ободрены, успокоены: теперь им светит надежда, их усилия объединены, голова и руки заняты. Отряд мальчишек уходит в лес охотиться на диких свиней. А на вершине горы начинает пылать костер, изобретательно зажженный Ральфом с помощью стеклышка очков Хрюшки.

Но эта идиллия живет недолго. Постоянно поддерживать огонь в костре нелегко, а строить хижины — утомительно и скучно.

Трудности, страх, опасности, поначалу объединившие ребят, начинают вскоре свою разрушительную работу, подтачивают солидарность, вызывают к жизни смутно дремавшие инстинкты. И первыми дичают «охотники» во главе с Джеком Мерридио.

СРЕДИ КНИГ

Убийство свиньи, кровь, азарт и ярость погони — все это мало-помалу развращает их, делает из них маленьких дикарей, готовых на чудовищные по жестокости поступки. «Повелитель мух» — мертвая свиная голова на палке, обсиженная мухами, — страшное пугало, которое разрушает душу и позволяет все.

Что, однако, за сила делает благопристойных английских мальчиков, певших в церковном хоре, дикарями, разрушителями? Отчего Джек так легко перетягивает в свою дикарскую вольницу большинство ребят? Первое, что позволяет увидеть автор: чувство мальчишеской солидарности так же сильно в зле, как и в добре. Джек Мерридю — малый достаточно волевой, жестокий и твердый, чтобы увлечь ребят за собою и держать всех в узде. Его приманка — не только жареная свинина, но сладость полного подчинения авторитету вождя, освобождения себя от ответственности, от страха перед жизнью, растворение в стадном чувстве. Он помогает ребятам расстаться с угрызениями совести: раскрасив лицо цветной глиной, «охотники» теряют личное «я», они как бы надевают на себя некую форму, всех уравнивающую и разрешающую им все.

Ральф и Хрюшка во всем превосходят Джека, уступая ему только в одном — ему ничего не стоит переступить через жестокость, избить малыша, разбить очки Хрюшке. «На кой черт нам эти законы... Мы сильные... мы охотники!» — кричит Мерридю, и многие ребята соглашаются с ним, потому что все созидательное и доброе стоит усилий и труда, а все разрушительное — легко и весело. Юный нищенец приобретает ребят к крови, связывает их круговой порукой.

Ребята боятся зверя, который может спуститься с горы, выйти из лесной чащи, но зверя надо бояться внутри себя. Так говорит автор, не опасаясь, что его упрекнут в пасторской нравочительности.

Измученные страхом и неуверенностью души инстинктивно ищут защиты в стадном чувстве. Самое страшное — это остаться одному. И когда Саймона, бежавшего рассказать им о своем открытии, что не злой зверь, а пугавшая всех тень на горе — это всего лишь купол парашюта, когда тихого, доброго Саймона забивают насмерть в остервенении ритуальной пляски, самое страшное, что этот дикий хоровод втягивает в себя всех и даже Ральфа с Хрюшкой, которые потом, опомнившись, вспоминают об этом как о каком-то безумном, чудовищном сне.

«Охотникам», подчинившимся власти Джека Мерридю, кажется, что они счастливы: не надо ни о чем думать, они поют, танцуют, объедаются жареной свининой. И с наслаждением размазывая жир по лицу, они, словно слепые и глухие, никак в толк не возьмут то, что говорит им Ральф, что подсказывает здравый смысл: надо всем объединиться и заботиться о костре, иначе никто не увидит его дым и никто не придет им на помощь.

Сам Джек, охотясь с азартом и завоевы-

вая власть над ребятами, забывает о главной их цели — спасении с острова. У него уже нет сил повернуться и оглядеться вокруг себя: охота на кабанов поглощает его всецело, забота о своей власти и престиже превращается в самоцель. Ребята же все точно захмелели от этого зелья, в котором смешаны жестокость и подчинение; все можно, что разрешает новый вождь, а нужно лишь то, чего он требует. Тот, кто напоминает о прежней цели, неприятен им, становится их врагом, и они, дичая, истребляя друг друга, несутся к верной гибели.

Читатель Голдинга с волнением следит, как жалкая горстка миссионеров добра во главе с Ральфом движется по берегу к неприятельскому лагерю, чтобы попытаться в последний раз уговорить обезумевших ребят. Беспомощный Хрюшка, несущий в руках морской рог — символ былой ребячьей республики, — со святой наивностью и детской верой в добро надеется переубедить Джека: «Я пойду к нему с рогом. Я покажу его. Слушай, скажу я, ты сильнее меня и у тебя нет астмы. Ты, скажу я, видишь обоими глазами. Но я не стану просить, чтобы ты отдал мне очки из милости. Урашивать тебя я не стану, скажу я, и не потому, что ты сильный, а потому, что справедливость есть справедливость. Отдавай мои очки, скажу я, ты должен отдать!»

Но тщетно. Их не слушают, им улюлюкают, угрожают... Ужасен конец Хрюшки, предательство близнецов — Сэма и Эрика, волче одиночество Ральфа. Ребята травят своего бывшего вождя как дикого зверя, и он сам превращается в звереныша в попытках спастись от погони. Обезумевшие преследователи отрезают ему все пути, поджигая кусты, в которых он прячется, и выкуривая его дымом. В азарте преследования они не замечают, что огонь грозит уничтожить все живое на острове и оставить их самих без пропитания и крова.

В масштабе маленького острова им грозит всеобщая катастрофа, что-то вроде конца света в миниатюре.

Какие мучения, страхи и мрачные предчувствия должны были угнездиться в психике современного Голдинга человека Запада, чтобы в середине нашего столетия мог появиться этот антипод старым утопиям и пересахаренной литературе для детей — истинный детский роман XX века.

Для автора необитаемый остров — идеальная колба, где можно поставить свой социальный опыт и, как говорят ученые, *in vitro* проследить процесс расчеловечивания, возвращения диких инстинктов и первобытных побуждений. Стоит порушиться привычным обстоятельствам, освободиться от авторитета взрослых, воплощающего в данном случае у Голдинга всякий общественный гуманистический контроль, как мгновенно начинает гаять тонкий слой цивилизации, не только привнесенный воспитанием, но и тот, более глубокий слой, что намыт в человеческой психике эволюцией нескольких тысячелетий.

Сам Голдинг тяготеет к объяснениям вне-

социальным. Но в книге различим и социальный момент, связанный с критикой современной буржуазной цивилизации. Джек Мерридю яростно отстаивает свое первенство, стремится верховодить, не брезгуя при этом никакими средствами, потому, между прочим, что знает: так поступают люди в знакомом ему мире взрослых. Отчаянная борьба за власть, культ насилия, игра на инстинктах толпы, освобождение от совести с помощью обезличивания — все это перемичивый подросток, и не тая в крови, мог усвоить из жизненной практики старших.

Предупреждение писателя тем более важно, что недобросовестные и отравленные человеконенавистнической философией взрослые люди научились широко использовать во зло некоторые свойства податливой, пластичной психики подростков. Не отсюда ли грозная легкость эпидемии хунвэйбинства, бойскаутская исключительность и нетерпимость, военизация детских коллективов, сулящая веселую игру, но постепенно опасно подчиняющая юное сознание?

В конце романа автор, нагнетавший чувство безысходности, словно бы вдруг пожалел читателя и дал Ральфу, а заодно и остальным ребятам возможность спастись. Похоже, что это произошло в силу чудесного закона утешающей поэзии, о которой говорится в балладе Жуковского:

...здесь несчастье — лживый сон,
счастье — пробужденье.

Офицер британских морских сил с якорем на фуражке выходит с катера навстречу Ральфу в тот момент, когда, преследуемый оравой мальчишек с копьями наперевес, отрезанный полосой огня и дыма, обессиленный, задыхающийся, он выскакивает к морю, на узкую полосу прибрежного песка.

Ребята видят катер, видят матросов с автоматами и будто на глазах изрезывается и пропадает кровавая пелена, застывшая им свет. Недавно еще дико оравшая и преследовавшая своего товарища толпа маленьких негодяев превращается вдруг в кучку оробевших школьников, длинноволосых, грязных и смущенных своим одичанием.

Ральф объявляет себя главным среди них, и Джек Мерридю с остатками черной шапочки хориста на лбу не решает этого оспорить. Дети мгновенно стряхивают с себя какое-то наваждение, жестокий сон, гипноз, под которым они жили все эти дни.

Тоскливое чувство вызывает эта книга: слишком тонкой оказывается в сознании человека пленка цивилизации, слишком быстро тают привитые воспитанием навыки и группа аккуратных английских школьников превращается в толпу и стадо, слишком легко кровь объединяет, а подчинение освобождает от чувства личной ответственности.

Пессимистичен взгляд художника современного западного мира, и, несмотря на счастливый конец, безнадежностью веет от его книги. Но если писатель садится за рабочий стол и пишет ее, значит надежда не оставила его совсем, значит ему хочется воззвать к людям, предупредить их о всегда грозившей им опасности...

Перевод, появившийся в журнале «Вокруг света», не позволяет, к сожалению, говорить о художественном своеобразии автора. Английский текст как бы наскоро затесан, грубоваго обструган в русском переводе — по нему можно угадать мысль книги, понять расстановку и движение фигур, но разговор о художественном мастерстве писателя поневоле придется отложить до другого случая.

В. ЛАКШИН

**ИЗДАНО
ЗА РУБЕЖОМ**

ОРАТОРИЯ О СУДЬБЕ ПОЭТА

Stephan Hermlin. Scardanelli.
"Sinn und Form" № 3, 1970.

Мена великих поэтов вызывают в памяти поколений давно сложившиеся, традиционные образы. Не задумываясь, можно представить себе величественного старца Гёте в удобном кресле веймарского министра, романтически-болезненного Шиллера или саркастически улыбающегося Гейне... Фридрих Гёльдерлин, проживший исключительно по трагичности жизнь, предстает в воображении одиноким странником, идущим по бесконечным дорогам, ищущим в тревожном и мелочном мире заветные цели и недостижимые идеалы. В этом году исполнилось двести лет со дня рождения великого немецкого поэта. Удивительный жребий выпал на долю Фридриха Гёльдерлина (1770—1843). Едва достигнув середины земного пути, он лишился рассудка и около четырех десятилетий пребывал в полном безумии. Он потерял все, что составляло привлекательную силу его творческой личности: поэтический дар, чувства глубокой любви и преданной дружбы, наконец самое имя свое. Он перестал ощущать себя Гёльдерлином и укрылся, как под черной маской, под странным псевдонимом — Скарданелли.

Наш современник, немецкий поэт Стефан Хермлин, чья поэзия родственна высокой патетике Гёльдерлина, написал к юбилейным дням радиопьесу «Скарданелли». Уже само заглавие определяет избранное автором место и время действия. Одинокий поэт живет в доме тюрингенского столяра Циммера, куда поселили его родные и друзья. В башенке-мансарде с крошечными окнами, выходящими на реку Неккар, проходят томительные десятилетия. Но для башенного отшельника время остановилось. Человек острой мысли, он как бы нарочито обесмысливает сузившуюся для него действительность, принимает немногих посетителей, приветствуя их нелепыми титулами.

СРЕДИ КНИГ